

Пол Хорвич

Дефляционная истина и проблема репрезентации*

Цель настоящей статьи – показать, каким образом такая концепция истины, известная как *дефляционизм*, может пролить свет на проблему репрезентации и, таким образом, помочь нам понять природу лингвистического значения. Итак, я собираюсь развить три момента. Во-первых, я выскажу то, что считаю сущностью дефляционного взгляда на истину, и намечу основание, исходя из которого эту точку зрения можно принять. Во-вторых, я покажу, как следует подходить к так называемой «проблеме репрезентации» (“problem of aboutness”) с точки зрения этой концепции. И, в-третьих, я покажу, как, исходя из этого подхода, мы можем придти к теории значения как *употребления*.

Основной тезис дефляционизма, как я его понимаю, заключается в том, что схема расковычивания

“*p*” истинно, *если и только если p*

является *концептуально фундаментальной*¹. Под этим я подразумеваю, что мы принимаем ее подстановочные случаи² при отсутствии какого-либо дополнительного аргумента: более конкретно, без выведения их из какой-либо сокращенной посылки формы

x истинно = *x* есть *F*,

которая характеризует традиционные («инфляционные») объяснения истины, такие как корреспондентная, когерентная, верификационистская

* Horwich P. Deflationary Truth and the Problem of Aboutness // Philosophical Issues, 8, 1997. Перевод выполнен Львом Ламберовым с любезного разрешения автора. – Примеч. пер.

¹ Вероятно, истинностный предикат двусмысленен: он замещает почти всегда свойства пропозиций, но иногда – соответствующее свойство высказываний. В этой статье я использую второй из этих смыслов: то есть, тот, что означает «выражать истинную пропозицию».

² Подстановочные случаи схемы расковычивания, которые должны приниматься субъектом, говорящим на английском языке, *S*, получают замену “*p*” (по LHS материального би-кондиционала) именем повествовательного высказывания этого субъекта *S* и заменой ‘*p*’ (по RHS) другим подстановочным случаем этого типа высказывания – того, которое выражает ту же пропозицию.

и прагматистская теории. Основание этого тезиса состоит в том, что наше всеобщее развертывание истинностного предиката – сумма всего, что мы делаем со словом «истинно» – лучше всего объясняется истолкованием *базисного* факта о его употреблении как нашей склонности принимать подстановочные случаи схемы раскавычивания³. А основание для этого объяснительного утверждения состоит в том, что эта регулярность необходима и достаточна для того, чтобы определить *ценность* нашей концепции истины: ее полезность в качестве средства обобщения.

Позвольте уточнить. Дефляционизм относительно истины частично вдохновлен предостережением Витгенштейна от искушения преувеличивать лингвистические аналогии. Лишь потому, что *большинство* предикатов, с которыми мы встречаемся («красный», «холостяк», «стол» и т. д.), употребляются для категоризации и объяснения на основании разделяемых характеристик – поэтому разумно, в каждом таком случае, искать некоторый ответ, каким бы грубым он ни был, на вопрос о том, какова подлежащая природа свойства, которое этот предикат замещает – мы не должны допускать, что *все* предикаты функционируют таким образом. В частности, мы не должны допускать, что истинностный предикат функционирует именно так. Но какова в таком случае его функция?

Весьма лаконичный ответ был предложен Куайном. Он заметил, что истинностный предикат играет существенную роль, позволяя схватывать определенные обобщения⁴. Мы можем обобщить

Луна подвержена действию гравитации,

³ Я допускаю, что лингвистическое поведение является продуктом объединения фактов и общих принципов, включая смыкающееся множество фундаментальных регулярностей, управляющих употреблением слов (то есть, управляющих принятием предложений, которые их содержат).

В свете принципа «связывания» ('linking' principle) –

“*p*” истинно, *если и только если* пропозиция, что *p*, истинна –

существует альтернативное и много объясняющее основание для нашего употребления истинностного предиката – так называемая «схема эквивалентности»,

Пропозиция, что *p*, истинна, *если и только если p*.

Тем не менее, учитывая цели в моей статье, проще принимать в качестве фундаментальной схему раскавычивания. Ничто кроме легкости описания не зависит от этого выбора.

⁴ См.: Quine W. V. *Philosophy of Logic*. – Prentice Hall, 1970.

говоря

Всякий физический объект подвержен действию гравитации.

Сходным образом мы всегда получаем обобщения из утверждения об отдельном объекте, во-первых, выбирая некоторый вид или тип G , к которому этот объект относится, и, далее, заменяя терм, указывающий на этот объект, квантором «Всякий G ». Тем не менее, существует важный класс обобщений, который не может быть получен таким образом: например, тот, чьи отдельные случаи включают

- (a) Если собаки лают, то мы должны утверждать «собаки лают»
- (b) Если Бог существует, то мы должны утверждать «Бог существует»
- (c) Если убивать плохо, то мы должны утверждать «убивать плохо»

В этом случае, а также во множестве других, обычная стратегия не работает. Как тогда может быть сформулировано обобщение?

Предположение Куайна заключается в том, что для того, чтобы решить эту проблему, у нас есть понятие истины. Более конкретно, для того, чтобы получать обобщения, необходим терм K – в английском языке слово «истинно» – который управляется схемой

“ p ” есть K , если и только если p

Так как в свете этих бикондиционалов мы можем конвертировать наш изначальный список отдельных случаев (сокращая «собаки лают» как “ A ” и т. д.)

Если A , то мы должны утверждать “ A ”,
Если B , то мы должны утверждать “ B ”,
Если C , то мы должны утверждать “ C ”

в эквивалентные утверждения

Если “ A ” истинно, то мы должны утверждать “ A ”,
Если “ B ” истинно, то мы должны утверждать “ B ”,
Если “ C ” истинно, то мы должны утверждать “ C ”,

в которых то же самое свойство (а именно, «Если x истинно, то мы должны утверждать x ») применяется к объектам определенного типа (а именно, к повествовательным предложениям). Поэтому этот второй список может быть обобщен стандартным образом как

Всякое повествовательное предложение таково, что если оно истинно, то мы должны его утверждать,

или более просто

Мы должны утверждать истину⁵.

⁵ Это квалифицируется как *обобщение* утверждений «Если A , то мы должны утверждать ' A '», «Если B , то мы должны утверждать ' B '» и т. д., так как, относительно схемы раскавычивания, это обобщение влечет их все за собой. В своей статье «Критика дефляционизма» Анил Гупта (Gupta A. A Critique of Deflationism // *Philosophical Topics*, 21, 2, 1993) верно отмечает, что подстановочные случаи обобщений, которые мы формулируем при помощи понятия истины (например, «Если ' A ' истинно, то мы должны утверждать ' A '») не будут сообщать в точности те же вещи, что утверждения, которые мы хотим обобщить (например, «Если A , то мы должны утверждать ' A '»), если соответствующие подстановочные случаи ' p ' и ' p ' истинно» не выражают одну и ту же пропозицию, что, в частности, не является убедительным. Но я не верю, что этот момент подрывает дефляционистское объяснение функции истины. Так как, как только что было указано, проблема должна приобрести общие положения, которые могли бы «схватить» определенные наборы утверждений; и эта проблема решается постольку, поскольку обобщения, которые мы можем составить, позволяют нам вывести эти следствия.

Возможно, было преувеличением предполагать, что понятие истины *необходимо* для этой цели. Альтернативная стратегия состояла бы во введении подстановочной квантификации, при помощи которой можно было бы сформулировать желаемое обобщение, говоря « (p) (Если p , то мы должны утверждать ' p ')». Но в этом случае потребовался бы ряд дополнительных синтаксических и семантических правил, управляющих новым типом кванторов. Следовательно, мы можем видеть ценность нашего понятия истины в том, что оно дает пусть не единственный, но довольно «дешевый» способ приобретения проблемных обобщений – способ, фактически используемый в естественном языке.

Некоторыми философами отмечалось, что истинностный предикат является инструментом для формулировки *местопредложений* (*prosentence*) – также как можно использовать прилагательное «он» вместо повторения имени (как в выражении «Джон сказал, что он счастлив»), можно сказать «Это истинно» вместо повторения только что высказанного предложения. Очевидно, это весьма верное наблюдение. Тем не менее, остается серьезной проблемой вопрос о том, как это лучше объяснить. В этом «дисквотационисты» расходятся с «просентенциалистами» (например, Grover D., Camp J., Belnap N. A Prosentential Theory of Truth // *Philosophical Studies*, 27, 1975; Brandom R. *Making It Explicit*. – Harvard University Press, 1994). Последние склонны предполагать, что «истинно» не является подлинным (логическим) предикатом, и что логическая форма выражения « x истинно» не является тем, чем она кажется – а именно, « Fx » – но скорее что-то, что должно быть выражено при помощи подстановочной квантификации – а именно, « $(p)(x = 'p' \rightarrow p)$ ». С другой стороны, дисквотационисты утверждают, что повсеместное использование истинностного предиката (включая его использование как инструмента для формулировки местопредложений) лучше всего

Суть идей дефляционистов (идей, основанных на изучении лингвистического употребления) заключается в том, что когда бы мы ни использовали понятие истины нетривиально – в логике ли, обыденном ли языке, в науке или в философии – оно играет роль инструмента обобщения. Более того, то, что это понятие делает, требует, как мы только что видели, не больше и не меньше, а лишь схему раскавычивания. Таким образом, базис для нашего употребления истинностного предиката – это наше принятие подстановочных случаев этой схемы, а не какого-либо принципа формы

x истинно = x есть F .

Это ядро дефляционной точки зрения обладает, что я доказывал бы, определенными дополнительными, характерными следствиями относительно истины: во-первых, касающимися значения истинностного предиката (а именно, что «истинно» *имплицитно определяется* схемой раскавычивания⁶); а во-вторых, касающимися *подлежащей природы* свойства истинности (а именно, что оно не обладает последней, и даже *не могло бы* ей обладать⁷). Но я не касаюсь здесь ни этих более-менее дискуссионных последствий, ни того, как они могут быть получены. Скорее же я собираюсь рассмотреть отношение этого ядра дефляционной

объясняется предположением, что «истинно» является подлинным предикатом, ограниченным схемой раскавычивания; и что достоинство такого предиката заключается в том, что он позволяет нам избежать трудностей и неясностей подстановочной квантификации.

⁶ Постольку поскольку фундаментальной регулярностью в нашем употреблении истинностного предиката является наша диспозиция принимать подстановочные случаи схемы раскавычивания, то, учитывая теорию значения как употребления (которая, как я предполагаю, частично оправдывается аргументом из настоящей статьи), из этого следует, что значение истинностного предиката фиксируется этой регулярностью.

⁷ Аргумент, что истина не может обладать подлежащей природой, основывается на двух посылах: во-первых, что, вообще говоря, свойство U конституирует свойство S только если существует некоторое объяснительное отношение между ними – а именно, что коэкстенсивность U и S объясняет характеристики S (то есть, ее корреляции с другими свойствами); и, во-вторых, что, в свете той роли, которую играет истинностный предикат в обобщении, мы можем видеть, что ни одно свойство не может находиться в объяснительном отношении к истине. Этот аргумент разрабатывается в моей статье Horwich P. Disquotation and Cause in Theory of Reference // Philosophical Issues, 6, 1995.

Как раз согласно допущению, что свойство истины не может обладать подлежащей природой, остается сформулировать теорию, покрывающую все факты относительно истины (в отличие от теории относительно значения, или употребления, слова «истинно»). Я доказываю в своей книге Horwich P. Truth. – Oxford: Blackwell, 1990, что аксиомы такой теории являются непротиворечивым подмножеством подстановочных случаев схемы эквивалентности (включая, например, «Пропозиция, что собаки лают, истинна, если и только если собаки лают»).

точки зрения к вопросам о возможности репрезентативности (aboutness) и о природе значения. Как это возможно для слова – просто звука или значка – репрезентировать (указывать на, говорить о) некоторую часть мира? И в силу чего его подлежащие, несемантические свойства придают слову определенное значение? Ответы, которые я хочу предложить, напрямую происходят из базисного принципа дефляционизма – что схема раскавычивания лежит в основании нашего использования истинностного предиката – и не зависят от того, что, как я полагаю, этот принцип предполагает относительно значения выражения «истинно» и подлежащей природы истины.

Релевантность дефляционизма по отношению к проблемам природы значения интуитивно довольно очевидна. Так как, основная сложность в разрешении этих проблем состоит в необходимости объяснения *репрезентации*, то есть того факта, что слова указывают на некоторые части реальности, и что предложения являются объективно истинными или ложными. Но, учитывая что референция и истина «дефлируются» (are “deflated”), несомненно, становится проще показать то, как возможна репрезентация, и, следовательно, проще разработать теорию значения, которая может объяснить репрезентативную силу языка. Это, конечно, предполагает, что дефляционизм относительно истинности предложений идет рука об руку с дефляционизмом относительно отношения *бытия истинным* (устанавливающимся между предикатами и последовательностями объектов) и отношения *референции* (устанавливающимся между именами и объектами). Но это весьма правдоподобно, так как эти взгляды не только параллельны друг другу, но и три указанных истинностно-теоретических понятия являются взаимоопределимыми. Я приму поэтому, что концептуально фундаментальным принципом, управляющим нашим употреблением выражения «истинно относительно», является скорее схема

$$(y)(“F” \text{ истинно относительно } y, \text{ если и только если } Fy),$$

чем что-либо даже приблизительной формы

$$(x)(y)(x \text{ истинно относительно } y, \text{ если и только если } Rxy),$$

и что концептуально фундаментальный принцип, который объясняет наше употребление выражения «указывает», есть скорее

$$(y)(“N” \text{ указывает на } y, \text{ если и только если } N = y),$$

чем какой-либо принцип или принципы формы

$(x)(y)(x \text{ указывает на } y, \text{ если и только если } Sxy)$.

Позвольте мне более точно объяснить то, что я здесь рекомендую – переход от дефляционной истинности к анализу значения через проблему репрезентации. Рассмотрим русское* слово «собака». Какие из его несемантических свойств ответственны (если такие вообще есть) за то, что оно обладает определенным значением? Или, формулируя это по-другому, какое свойство 'Ux' удовлетворяет упрощенной теории

x означает *собака* = Ux?

Далее, как я только что сказал, обычно считается, что основная сложность в ответе на этот вопрос проистекает из нашего убеждения, что значение предиката определяет то, к чему он может быть корректно применен: в частности, что

x означает *собака* $\rightarrow x$ истинно относительно собак.

Допускается (и я полагаю верно), что наша приверженность этому кондиционалу от-значения-к-истине (meaning-to-truth conditional) устанавливает субстанциональное ограничение на то, чем может быть 'Ux'⁸. Однако характер и строгость этого ограничения критически зависят от того, что допускается относительно истины.

С инфляционной точки зрения базисным принципом, управляющим выражением « x истинно относительно y », является не схема раскавычивания, но некоторый концептуально более фундаментальный тезис; и, в зависимости от того, какой более фундаментальный тезис принимается, лишь с точки зрения некоторых теорий значения (то есть, выборы 'Ux') этот указанный кондиционал

* В оригинале речь идет, конечно же, об английском слове. – Примеч. пер.

⁸ Ради простоты настоящее обсуждение ограничено предикатами, чьи объемы являются контекстно-инвариантными. В более общем толковании соответствующий кондиционал был бы чем-то вроде

x выражает пропозициональный конститuent $\langle F \rangle \rightarrow x$ истинно относительно Fov ,

и предполагалось бы, что пропозициональный конститuent, выражаемый словом, определяется комбинацией его значения и контекста, в котором он используется. Следовательно, даже в этом более общем случае, объем предиката определяется, по меньшей мере, частично, его значением, и, поэтому, репрезентативная сила слова ограничивает то, какой структурой обладает его значение.

будет иметь место. Например, учитывая инфляционное допущение, что « x истинно относительно всех и только собак» должно быть редуцировано к некоторому несемантическому отношению R между x и собаками: то есть, что

x истинно относительно всех и только собак = $(y)(Rxy \leftrightarrow y$ является собакой).

Далее, для того, чтобы кондисионал значение-истина имел место, указанное свойство ' Ux ', в которое превращается свойство-значение, должно было бы подразумевать свойство, в которое превращается свойство-репрезентация: следовало бы предположить, что

$Ux \rightarrow (y)(Rxy \leftrightarrow y$ является собакой).

А это могло бы быть так, если

$Ux = Sx \ \& \ (y)(Rxy \leftrightarrow y$ является собакой).

Таким образом, с обычной инфляционной точки зрения, репрезентация, референциальная сила слова «собака», предполагает субстанциональное, *реляционное* ограничение на то, какого вида свойство может конституировать значение данного слова.

Тем не менее, с дефляционной точки зрения ситуация выглядит совершенно по-другому. Так как в той мере, в какой схема раскавычивания является базисной, наш естественный путь к кондисионалу от-значения-к-истине

x означает *собака* $\rightarrow x$ истинно относительно собак

проходит через выведение его из трех принципов:

- (1) «собака» означает *собака*,
- (2) “ G ” означает то же, что и «собака» $\rightarrow (y)(Gy \leftrightarrow y$ является собакой),
- (3) $(y)($ “ G ” истинно относительно $y \leftrightarrow Gy)$,

используя следующее рассуждение. Из (2) и (3) мы получаем

“ G ” означает то же, что и «собака» $\rightarrow (y)($ “ G ” истинно относительно $y \leftrightarrow y$ является собакой).

А это, учитывая (1), влечет за собой

“ G ” означает *собака* $\rightarrow (y)(“G”$ истинно относительно $y \leftrightarrow y$ является собакой).

Из которого вполне естественно вывести – обобщая предикат “ G ” ко всем предикатам –

$(x)(x$ означает *собака* $\rightarrow (y)(x$ истинно относительно $y \leftrightarrow y$ является собакой).

Таким образом, учитывая нашу приверженность к (1), (2) и (3), очевидно, почему мы предполагаем, что свойство-значение « x означает *собака*» определяет экстенциональное свойство « x истинно относительно всех собак и только». Следовательно, так как нас волнует то, каким образом это предположение ограничивает то, что мы можем сказать относительно подлежащей природы значения, мы должны обратить наше внимание на ограничения, которые могут предполагаться принятием (1), (2) и (3). Но (1) и (3), очевидно, не предполагают подобных ограничений. Следовательно, внимание следует сузить до посылки (2) и других подстановочных случаев более общей схемы

“ G ” означает то же, что и “ F ” $\rightarrow (y)(Gy \leftrightarrow Fy)$.

Как наша приверженность этой схеме влияет на то, что мы должны говорить о природе значения? Какими должны быть свойства выражений “ G ” и “ F ”, конституирующие значение (meaning-constituting properties), для того, чтобы из того, что “ G ” и “ F ” обладают одним и тем же свойством, следовало, что мы принимаем “ $(y)(Fy \leftrightarrow Gy)$ ”?

Естественный ответ (и я не могу помыслить другой) состоит в том, что свойство-значение предиката должно конституироваться его базисной регулярностью употребления. Так как если два предиката управляются одной и той же *базисной* регулярностью, то и их *суммарное* (*total*) употребление будет тем же; постольку, поскольку если будет существовать диспозиция утверждать предложение, содержащее один из них, то будет существовать диспозиция утверждать предложение, в котором первый предикат заменен на второй; следовательно, в самом деле, будет существовать склонность к принятию “ $(y)(Fy \rightarrow Gy)$ ”⁹. Таким

⁹ Можно возразить по отношению к дефляционному подходу, что это объясняет лишь то, почему синонимичные предикаты *остаются истинными* относительно одних и тех же вещей, а не то, почему они *истинны* относительно одних и тех же вещей. Это верно; но это не достаточно хорошее возражение. Постольку поскольку мы обращаем свое внимание как и

образом, с дефляционной точки зрения, наша приверженность к кондиционалам от-значения-к-истинне – то есть, наш смысл *репрезентации* при помощи лингвистических выражений – объясняется теорией значений как употребления; поэтому нет основания полагать, что значение предиката заключается в том, что он находится в некотором несемантическом отношении к элементами своего объема¹⁰.

Если эта дефляционная точка зрения не принимается, то, учитывая сколь трудно удовлетворить ограничение, накладываемое инфляционизмом, вполне вероятным следствием становится некоторая форма *скептицизма* относительно значения. Речь, конечно же, идет о Крипке¹¹, он рассуждал таким образом, что, так как проблема репрезентации неразрешима, то не могут существовать и «реальные» факты о значениях слов. Говоря более конкретно, то, что доказывал Крипке, заключается в том, что, так как мы не можем обнаружить подлежащие, несемантические свойства Ux , Vx , Wx , ..., и так далее, слов

раньше на вопрос о том, почему *мы предполагаем*, что значение определяет объем, то дефляционист отвечает в терминах теории значения как употребления, в отличие от инфляциониста, который должен допустить, что свойства, конституирующие значение, обладают указанной выше реляционной формой. Если мы поднимем вопрос о том, почему является *фактом*, что

“ F ” означает то же, что и «собака» $\rightarrow (y)(Fy \leftrightarrow y \text{ является собакой})$,

то у дефляциониста есть возможность ответить, что такие факты являются объяснительно базисными.

¹⁰

С дэвидсонской точки зрения, согласно которой такие свойства как « x означает *собака*» являются сомнительными, проблема может быть сформулирована следующим образом. Какое ограничение нашего основания для высказывания утверждений формы

Интерпретация x есть «собака»

имплицитруется осознанием того, что

Интерпретация x есть «собака» $\rightarrow x$ истинно относительно собак.

Инфляционист относительно истины заключил бы, что свойство-интерпретация должно конституироваться некоторым несемантическим отношением между x и собаками. Тогда как дефляционист – а сюда бы я включил и самого Дэвидсона – может обосновать кондиционал на основании (а) убеждения, что «собака» истинно относительно собак, и (b) факта, что интерпретации управляется принципом милосердия (the Principle of Charity), который утверждает, что интерпретация оптимизирует согласие (и который, я доказывал бы, сводится к теории значения как употребления).

¹¹ См. работу Kripke S. Wittgenstein on Rules and Private Language. – Oxford: Blackwell, 1982. Я развиваю настоящую критику аргумента Крипке в статье Horwich P. Meaning, Use and Truth // Mind, 104, 414, 1995.

«собака», «электрон», «стол», ..., и так далее, которые бы удовлетворяли бы условиям

$$Ux \rightarrow (y)(Rxy \leftrightarrow y \text{ является собакой}),$$

$$Vx \rightarrow (y)(R'xy \leftrightarrow y \text{ является электроном}),$$

$$Wx \rightarrow (y)(R''xy \leftrightarrow y \text{ является столом}),$$

•
•
•

(так, что из Ux , Vx , Wx , ..., и так далее, можно «вычитывать» объемы любого предиката, обладающего этими свойствами), мы должны заключить, что свойства-значения не обладают подлежащей природой.

Но, как мы видели, это ограничение теории значения предполагает инфляционный взгляд на истину (согласно которому, кондиционалы от-истины-к-значению выводятся из предшествующего анализа отношения «истинно относительно»). Так как только с этой точки зрения свойство, которое конституирует значение предиката, должно влечь за собой свойство, которое конституирует его объем, давая возможность этому объему быть «вычитанным». С дефляционной точки зрения, не может существовать возражения по отношению к истолкованию Ux как такого свойства, в силу которого слово «собака» обладает определенным значением, что из Ux нельзя «вычитать», что объемом какого-либо слова, обладающего этим свойством, было бы множество собак. Путь от знания свойства, конституирующего значение, к знанию соответствующего объема, состоит скорее в том, что некто может убедиться, что некоторый терм (например, «собака») обладает этим свойством, таким образом, он дает ему значение и приготавливает себя к употреблению этого термина по отношению к определенному объему (например, говоря «множество собак»).

Таким образом, как дефляционисты относительно истины, мы не должны настаивать на объяснении значения предиката, которое имеет форму

$$x \text{ означает } F = Sx \ \& \ (y)(Rxy \leftrightarrow Fy)$$

(где S и R могут некоторым образом зависеть от F). Также нет оснований выдвигать объяснение более общей формы

x означает $F = T(x, F)$

(где T может зависеть от F). А это заключение развязывает нам руки; так как, многие теории значения, с которыми мы сталкиваемся, втиснуты в одну из этих матриц и, что не удивительно, работают не очень хорошо. Рассмотрим, например, такую версию:

x означает $F = x$ каузально коррелирует с F ами,

которая, в различных вариантах предлагалась Дретске, Фодором, Стампом и другими; или

x означает $F =$ функцией x является индикация F ов,

предлагаемую в том или ином варианте Миликан и Папенау¹². Позвольте подчеркнуть, что я не претендую на то, чтобы показать, что ни одна теория такого вида не является корректной. Скорее то, что я пытаюсь сделать – во-первых, доказать, что феномен репрезентации не дает основания для того, чтобы такая теория была истинна с необходимостью; во-вторых, показать, как противоположное предположение может являться результатом вводящего в заблуждение инфляционизма относительно истины; в-третьих, отметить, что другие основания для этого предположения не приходят на ум; и, в-четвертых, обратить внимание на то, что теории, разработанные в соответствии с ним, неудачны.

Альтернатива, которая становится доступной и выглядит весьма правдоподобно, как только оставлен инфляционизм, состоит в том, чтобы позволить, что

x означает *собака* = Ux ,

x означает *электрон* = Vx ,

x означает *стол* = Wx ,

.

¹² См. Dretske F. I. Knowledge and Flow of Information. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1981; Stampe D. W. Toward a Causal Theory of Linguistic Representation // Midwest Studies of Philosophy, Vol. 2; Fodor J. Psychosemantics. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1987; Papineau D. Reality and Representation. – Oxford: Blackwell, 1987; Milikan R. Language, Thought and Other Biological Categories. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1984.

где несемантические свойства, конституирующие значения, Ux , Vx , Wx , ..., являются регулярностями употребления, не имеющие структурного сходства друг с другом. В частности, не допускается, что для того, чтобы подразумевать F , слово должно находиться в некотором отношении к F ам. Однако, как мы видели, вполне можно объяснить феномен репрезентации, определение объема при помощи значения.

Дефляционный взгляд на *истину* предполагает, что истинность утверждения, что снег бел, состоит лишь в бытии снега белым, что истинность утверждения, что убивать плохо, состоит лишь в бытии убийства плохим, ..., и так далее – которое подразумевает, что вообще ничто не конституирует свойство *бытия истинным*. А это, как я доказывал, должно привести нас к признанию возможности того, что « x означает *собака*» состоит в чем-то, « x означает *электрон*» состоит в чем-то другом, ..., и так далее – но что нет общего объяснения структуры « x означает F ». Я называю эту точку зрения на значение «дефляционной», так как она *параллельна* дефляционной теории истины и *обосновывается* ей.

Как я только что напомнил, теория значения как употребления обладала бы этим дефляционным характером. И если бы у меня было больше свободного места, я остановился бы более подробно на причинах, по которым я считаю, что это правильное направление поиска природы значения. Я попытался бы показать, как различные возражения по отношению к теории значения как употребления могут быть преодолены (например, ее бихевиоризм, ее ненормативность, ее несовместимость с композиционностью, а также холизм как ее предполагаемое следствие), и как главное ограничение хорошей теории значения (то есть, необходимость объяснить лингвистическое поведение) полностью ей выполняется¹³.

Не завершив этого, я не могу утверждать, что я сделал достаточно для теории значения как употребления. Но я надеюсь, что оправдал ее в некотором смысле. Мой аргумент, говоря коротко, состоял в том, что поскольку концептуально фундаментальным принципом относительно истины является схема раскавычивания – а это весьма правдоподобный тезис – то нет основания предполагать, что то, что конституирует значение предиката, является в некотором смысле натуралистическим

¹³ Обсуждение этих вопросов смотри в Horwich P. What Is It Like to Be a Deflationary Theory of Meaning? // Philosophical Issues, 5, 1994. Более полное истолкование будет представлено в книге Horwich P. Meaning. – forthcoming.

отношением к его объему; следовательно, нет основания настаивать, что « x означает F » редуцируется к некоторому отношению формы « $T(x,F)$ »; следовательно, когда доказано, что все такие теории неадекватны, нет основания принимать на веру «темную лошадку» антиредукционизма и нефактуализма. Существует весьма привлекательная альтернатива – воспользоваться более податливой, нереляционной концепцией, той, что, однако, является и натуралистической, и совместимой с репрезентацией – а именно, теорией значения как употребления.